

Говоря и думая об этом, эти двое вдруг почувствовали себя более спокойными и открытыми, чем когда-либо прежде. Как будто они стали пожилой парой, проводшей вместе полжизни за одну ночь, или старыми друзьями, воссоединившимися после долгого перерыва.

Минлань никогда не думала, что она будет так близка с человеком, с которым не имеет кровного родства.

Дни после родов были неторопливыми и комфортными, Гу Тинье взял на себя все пустяковые дела.

Первым делом он наградил братьев Ту и тех, кто охранял поместье хоу. Помимо серебра для каждой семьи, тем семьям, у кого кто-то умер, предоставляли освобождение от рабства и даже давали земли.

Таким образом, не только несколько семей были благодарны, но и другие семьи завидовали, и все восхваляли доброту и величие господина.

Великие награды должны дополняться суровыми наказаниями. В следующие несколько дней Гу Тинье практическими действиями сообщил всем две вещи: во-первых, даже если жена уже наказала виновных, она все ещё жена, а глава семьи — он. Во-вторых, хоу любит применять военные законы.

Из-за беспорядков на улице Бисы еще не выслали из поместья, поэтому она плакала и вытирала слезы в комнате во внешнем дворе. Три раза в день она приставала к сторожившей ее суровой служанке, чтобы она послала сообщение внутрь, и умоляла Минлань передумать. Не говоря ни слова, Гу Тинье попросил кого-нибудь сорок раз ударить ее на глазах у всех — раз уж она так любила болтать, её необходимо было проучить. Губы Бисы были разбиты, а красивое личико распухло, она выглядела как свинья, у нее выпало шесть или семь зубов, она потеряла сознание и очнулась от холодной воды, а потом ее бросили в разбитую повозку и отправили домой в сопровождении нескольких женщин.

Теперь она больше не смела плакать. На самом деле, она даже не могла говорить.

С другой стороны, хотя наложница Жэнь была отослана, ей служили шесть служанок, и ни одна из них не сбежала.

Раньше Минлань заботилась о лице Шао Ши, и редко спрашивала о кадровых делах в её покоях. Вообще-то, думая об этом, наложница во внутреннем дворе не может просто так выйти наружу. Если она много раз входила и выходила, как смели окружающие говорить, что ничего

не знают?! Гу Тинье даже не стал спрашивать, а просто отдал приказ.

Две большие служанки отрезали пару указательных пальцев служанкам наложницы и оба уха, а затем продали их на лютый холод на север в качестве рабов, чтобы они выполняли грубую работу и никогда больше не зашли в поместье хоу.

Трудно было внятно объяснить ошибки Шао Ши, поэтому Гу Тинье снова не стал ничего спрашивать, вытащил двух служанок, которые были с нею много лет, и избил их тридцатью палками перед лицом Шао Ши, и лишил её жалованья на три года. Преступление было очень расплывчато — во время беспорядков они не смогли хорошо «обслужить» старшую невестку, в результате чего старшая невестка «бегала вокруг» и чуть не «вызвала катастрофу».

Когда исполняющий наказание взревел и замахнулся первой дубиной, Шао Ши вскрикнула и потеряла сознание.

Гу Тинье даже не поднял взгляд на неё, он просто усмехнулся в своем сердце. Никто из этих первоклассных слуг большого дома не знал о старых обидах между ним и Гу Тинью. Только полагаясь на доброту Минлань они могут продолжать жить достойной жизнью, но в критический момент ни у кого из них не появилась совесть.

Как можно было держать в секрете ненормальное поведение Шао Ши и наложницы Жэнь в ту ночь? Неужели эти старики, служившие много лет, не заметили этого? Пока одна из них увещевала госпожу, другая могла передать сообщение Минлань. Эта кучка рабынь совсем не думает или думает только о себе! В любом случае, госпожа добра, так что не будет их слишком сильно наказывать. Поэтому он накажет их вместо неё.

Одной на месте сломали ногу, другую избили до рвоты кровью, а двое других были в обмороке.

Все слуги и управляющие поместья молчали и дрожали, когда пришли доложить в покои Минлань. Шао Ши заболела от испуга, Цюнянь была так напугана, что не могла выйти из дома и пряталась за закрытыми дверями, Сянь только осмелилась тихо заплакать, и Жун обняла свою кузину, тихо и терпеливо утешая её.

Что касается семьи Хан Сана, которая предала господ, никто не знал, что с ними случилось.

То, что сказал Гу Тинье, было ничем иным, как сообщением всем: что вы едите, используете и носите, все это дано вашими господами. Нет такого, как слуги Шао или Цинь. Неважно, кому вы служите или где работаете, вы должны быть верными только главной хозяйке поместья.

Сначала и до конца Минлань пряталась в покоях, молча обнимая младшего и старшего сыновей.

На самом деле она прекрасно знала, что в древние времена такой подход был правильным.

Хозяйская семья слишком добра и рассудительна, и хитрому слуге легко его обмануть. Даже добрая и любящая старушка Шэн, когда она вернулась в Цзиньлин в том же году, поймала нескольких слуг и управляющих, которые украли и продали собственность владельца, она, не колеблясь, убила их на месте.

В то время старшая тетя неоднократно хвалила пожилую госпожу и использовала этот случай, чтобы научить ее и Пинлань тому, что «слуги, которые снаружи охраняют особняки и фермы для семьи хозяина, хитрее, и вред может быть еще больше». Тогда она невольно подумала: эти люди совершили кражу. Сколько имущества было украдено, какова его стоимость, достигло ли преступление нормы для перехода от гражданской ответственности к уголовной и достаточно ли этого для применения смертной казни?

Ну, ей не нужно об этом напоминать, она и так знает, что так размышлять в древних временах глупо.

— ...Прости, ты так занят и устал, но вынужден беспокоиться о делах внутреннего двора, — она была полна вины.

Гу Тинье коснулся ее худых щек и потер их, хмурясь.

— Тебе не нужно винить себя, я все знаю.

Она умела во всех подробностях узнавать проделки слуг ловить их на преступлениях, но, когда дело доходило до наказаний, она всегда оказывалась мягкотелой, что очень озадачивало его. Господину, независимо от того, будет сделано это с целью устрашения или установления престижа, иногда необходимо вести себя безжалостно — даже если обижены были немногие, даже если наказание слишком сурово, некоторым необходимо видеть это проявление силы.

Его раздражало ее мягкое сердце, но, оглядываясь назад, он восхищался ею.

Люди, окружающие его с детства, будь то его покойный отец Гу Янькай, госпожа Цинь, Гу Тинью, или даже его дяди и братья, — все они действовали только в соответствии со своими предпочтениями и интересами. Они не думают много о том, правильно это или нет. Минлань же живёт по совести. Не говоря уже о Маньян, которая из-за своего эгоизма готова была пойти на убийства и поджоги.

Напротив, хотя, несмотря на самодостаточность, Минлань немного глупа, она так же чиста, как ветер и луна.

Гу Тинье разобрался со всеми за один раз. Минлань беспокоилась, задаваясь вопросом, была ли его месть Шао Ши также местью его мёртвому брату, и поскольку Гу Тинье был очень груб,

не повлияет ли это на его репутацию.

— Если бы я была хорошей хозяйкой, тебе не пришлось бы быть злодеем.

— Если ты проявляешь робость только потому что боишься общественного мнения, то тебе не придется сталкиваться с неодобрением в свою сторону. Я сделаю это за тебя, для меня это привычно, — с улыбкой ответил Гу Тинье. Минлань закатила глаза.

Генерал, одержавший победу и вернувшийся ко двору, не только плохо обошелся с овдовевшей невесткой, но и проигнорировал жизни прислуги. Это просто отличный материал для участия в спектакле. Речи тех чиновников, которые слишком праздны, чтобы это разобраться в вопросе, разве упустят такую возможность?

Минлань нахмурилась, испытывая смущение. Однако на следующий день, когда Чжан Ши пришла в гости, она успокоила ее беспокойство всего несколькими словами.

— Ха, ты не можешь относиться к себе как к человеку, который является монахиней! Мой отец уже сказал, что Гу хоу хоть и выглядит грубым, но у него мягкое сердце. Прежде чем он сделает шаг, он проделает большую работу, — Чжан Ши тут же громко рассмеялась. — Теперь люди за пределами поместья говорят, что овдовевшая невестка вела себя беспокойна и состояла в тайном сговоре с мачехой, намереваясь убить тебя и твоего сына.

— Ах, что ты сказала? — удивленно спросила Минлань.

— В тот день и ту ночь, за исключением императорского дворца и Девяти ворот, которые яростно сражались, другие дома в лучшем случае, столкнулись лишь с несколькими ворами. Мой дом считался самым пострадавшим из-за внутренних воров... — Чжан Ши пренебрежительно надула губы. — Спросите на всю столицу, как может быть такое опасное волнение в вашем доме? Масло, известна, бревна, пожар, погибло около полусотни человек как во время защиты небольшого города от кочевников. И все это прямо под ногами императора! Император встревожился и сказал, что виновный будет сурово наказан.

Чжан Ши, казалось, была в хорошем настроении, и она говорила радостно. Минлань молча передала ей чашку, она сделала глоток и продолжила:

— Раньше все были в беспорядке, но теперь, когда ситуация стабилизировалась, почему ты не спрашиваешь об этом? Разве тебе не интересно что это было за странное дело? Сейчас для всех ты словно далёкая луна...

Подразумевалось, что дворянам и родственникам из аристократических семей нехорошо спрашивать Минлань напрямую, поэтому они могут только довольствоваться слухами.

— Тогда что ты знаешь? — криво улыбнулась Минлань.

— Нет необходимости спрашивать об этом. Разве сюда не приходила госпожа Лю? Первый допрос показал кое-что. Это была ваша невестка, сговорившаяся с вашей мачехой и планирующая причинить вред жене Гу хоу и его сыну.

Минлань удивилась и через некоторое время сказала:

— ...но наложница Жэнь сказала, что все это было сделано ею самой и не имеет никакого отношения к невестке.

Чжан Ши широко улыбнулась.

— Допрос в ямэне заключается в том, чтобы докопаться до сути.

Минлань замолчала..

— Кроме того, как раб может совершить преступление, если хозяин не имеет к этому никакого отношения, — снова сказала Чжан Ши. — Разве твоя невестка не думала о том, чтобы подарить своему умершему мужу наследника?

Чем больше Минлань слушала, тем больше она удивлялась.

— Это была идея моей невестки ранее, и она не упоминала об этом в последние несколько лет.

Увидев ее неуклюжий и ошарашенный вид, Чжан Ши весело покачала головой.

— Прошло всего несколько лет, и многие люди это помнят. Перед смертью господин Гу сказал перед всей семьёй, что у него никогда не будет наследника. Но его жена может быть недовольна. Если кто-то другой поднимает шум по этому поводу, откуда ты знаешь, что она не будет заинтересована? Ну, это дело просто оказалось очень громким, и теперь оно активно обсуждается снаружи.

Минлань глубоко вздохнула и с трудом произнесла:

— Так не должно быть, я знаю, что у моей невестки нет мужества... — она замолчала под любопытным взглядом Чжан Ши.

Чжан Ши, казалось, наблюдала за чем-то очень забавным и в шутку сказала:

— Что касается того, что это не так, не только я не знаю этого. Как ты относишься к своей племяннице? Госпожа Сюэ и госпожа Чжэн могут подтвердить, что очень хорошо. Неважно, ваши родственники это или друзья, у всех есть глаза.

Эти слова очень загадочны — Минлань некоторое время тщательно жевала и, наконец, выяснила мелкие детали внутри. Дурная слава Шао Ши была неизбежна. Она некоторое время молчала.

— Мне только жаль Сянь, она действительно хороший ребенок.

У Чжан Ши было светлое сердце, она неторопливо погладила руки и небрежно сказала:

— Во-первых, ребенок еще маленький, и пройдет несколько лет, прежде чем мы должны будем попрощаться с ней. Может быть, никто не вспомнит это время. Во-вторых, мы в будущем будем ещё общаться. К тому же, когда придет сваха, Сянь может сказать, что с детства её воспитывала тетя, и ее характер зависит от тебя. Хм, ты не можешь считаться мужчиной, если ты даже не заботаешься о собственной жене и детях... Гу Тинъю, определённо, рассчитывал на это...

Минлань взглянула в сторону, и яркий солнечный свет из-за окна проник сквозь ширму и упал на Чжан Ши, освещая ее тонкие пальцы, прямые и нежные. Она выглядела так же прекрасно, как знаменитый героический меч в осенней воде.

Со способными отцом и братом у Чжан Ши был сильный тыл. Что же касается того, чем сейчас занимается ее муж Шень Цунсин, то ей... на самом деле было все равно.

В это время вошла старшая служанка Цуй с ребенком на руках, улыбаясь во все лицо:

— Малыш Юань проснулся, я привела его, чтобы показать госпоже Шень.

Чжан Ши немедленно отложила эту тему, улыбнулась и обняла ребенка.

Кожа ребенка была нежной, а на румяных щечках были легкие следы сна. Он источал приятный молочный аромат, а еще у него были красивые брови. Маленький А Юань только что выпил молока, он не плакал и не создавала проблем, его большие глаза были ясными и чистыми, и он улыбалась очень мило..

Чжан Ши посмотрела прямо в глаза ребенка и с улыбкой сказала:

—...Странно, что моя мать вернулась от вас несколько дней назад и все время настаивала на том, чтобы выдать дочь нашей семьи за него замуж. Какое счастье, что я родила мальчика, иначе мне пришлось бы приставать к тебе, чтобы ты сделала его моим зятем.

Минлань прикрыла рот рукой и прямо рассмеялась.

— О, мой сын такой красивый, но его мать стала уродливой, — она прижала свои худые щеки

обеими руками, делая вид, что вздыхает.

Чжан Ши повернула голову, улыбнулась и принялась утешать её:

— Когда я родила, я была хрупкой, как лист бумаги. Один шарлатан сказал, что я умираю. Однако я все ещё здесь.

Она не умерла сама, но заставила умереть многих других.

Минлань сдержала смех и несколько раз кивнула.

Чжан Ши обняла маленького А Юаня и слегка погладила его, не в силах сдержать свою нежность:

— Тск-тск, тот, кто не захочет поцеловать этого ребёнка в будущем? Ах, какой хороший мальчик, я приду к твоей маме, когда придет время отдавать вас, проказников, на учебу...

После долгих воркование, она передала ребенка старшей служанке Цуй. Чжан Ши повернула голову и улыбнулась Минлань:

— Ты тоже успокойся, в столице мир. Несколько дней назад, почему ты не отправила сообщение о праздновании первого месяца ребенка? Если у тебя нет сил справиться самой, просто сообщи мне.

Минлань снова и снова благодарила ее, прежде чем вздохнуть:

— Это все не из-за недостатка сил. Подумай об этом, моя семья хорошо общалась с семьей Чжэн в будние дни, и теперь все они одеты в траур, но я счастлива, сделала уборку и устраю празднование?

Говоря о семье Чжэн, Чжан Ши тоже вздохнула.

— Это действительно катастрофа, старик был такой добрый, кто знал, что такое может случиться...

Она вспомнила ситуацию, когда в молодости пошла в дом семьи Чжэн, покачала головой и вздохнула, помолчала и сказала:

— Когда я пошла, чтобы выразить свои соболезнования, госпожа Чжэн попросила меня передать сообщение, чтобы ты хорошо отдохнула и позаботилась о своем теле. Дружба между двумя семьями крепка и не нужно поднимать шум, она знает, что ты сочувствуешь им глубине

души.

Минлань спросила о ситуации младшей Шень Ши и госпожи Чжэн, а затем добавила:

— Похороны — это самое сложное, так что им тоже не стоит изнурять себя.

— Дело не в этом, — покачала головой Чжан Ши. — Они обе хотя и сильно похудели, почти в хорошей форме. Когда старших предают земле, важно проявить сыновнюю почтительность.

— Я слышала, что ты была очень величественна, когда пришла в поместье Чжэн, чтобы выразить свои соболезнования.

Чжан не сочла это неприемлимым, и улыбнулась.

— Благодаря семье Цзоу я часто вынуждена была видеть, как люди смотрят на меня свысока, но теперь это прекратилось.

Когда она посещала поместье Чжэн, женщины, которые изначально сплетничали, внезапно замолчали, посмотрели на нее с благоговением и трепетом и говорили необъяснимо вежливо.

Это разница между обычной землеройкой и женщиной-мастером боевых искусств. Когда Люйчжи и другие служили перед ней, они также дрожали перед Чжан Шт и не осмеливались поднимать взгляд.

Минлань посмотрела ей в глаза и тихо спросила:

— Тебе некомфортно?

В конце концов, у неё был странный взгляд.

Чжан Ши немного подумала, покачала головой, и в уголках ее рта появилась самоуничижительная улыбка:

— Если бы это была ты, ты бы предпочла, чтобы люди все время смотрели на тебя с жалостью, или ты бы предпочла это?

Впрочем, кто не знал, что её брак самый неудовлетворительный из всех возможных? Всякая жалость, добрая или злорадная, заставляла ее даже не хотеть выходить из дома после того, как она вышла замуж.

Минлань поняла это, кивнула и сменила тему:

— Теперь в семье Цзоу все честные, верно? Ну, и как ты наказала этого глупого постороннего?

Чжан Ши пренебрежительно фыркнула и легкомысленно сказала:

— Что мне делать? Согласно закону я передам людей из семьи Цзоу и пойманных воров господину Лю. Давайте сначала посмотрим, какое они понесут наказание.

Умно! Минлань слегка улыбнулась и мысленно подняла большой палец вверх.

Они долго и весело болтали, поэтому она пригласила Чжан Ши пообедать.

Горничные вошли с мисками разных цветов, тарелкой с изумрудно-зелеными и нежными креветками Лунцзин, чашкой молочно-белого супа из карася, миской тушеной свинины с насыщенным красным соусом и голубым фарфором с лепестками лотоса. Большая миска, наполненная горячим цыпленком и листьями лотоса, двумя жареными сезонными овощами и освежающим холодным салатом... стол был полон, а также стоял горшок с фруктовым вином, сваренным Гуфу.

Выпив три чашки, Чжан Ши начала бормотать:

— ... Злые люди будут вознаграждены злом, а твоя пожилая госпожа Гу имеет чёрное сердце. Она получит сполна. Мало того, что ее сын умер, я слышала, что ее внук и внучка тоже заболели, как будто заразились. Эпидемия...

Сердце Минлань дрогнуло, она опустила голову и медленно выпила суп, не задавая вопросов.

— ...На этот раз она совершила большое преступление. Ты выглядишь так, будто бумажный фонарь, который унесет ветром, — Чжан Ши выглядела грустной. — Женщинам суждено страдать и рожать детей.

Минлань тихо вздохнула и налила еще одну чашку для Чжан Ши из чайника.

Цвет вина был такой же чистый и голубой, как капли росы на кончике листьев ивы, оно пахло слабо и сладко, словно вытягивая последний штрих летнего послевкусия, Чжан Ши выпила все залпом, на её щеках играл легкий румянец:

— У меня четыре старших брата, я была упрямой, как обезьяна, с детства, и моя жизнь была такой счастливой. Неожиданно, когда мне было десять лет, моя мать сказала, что в нашем доме принято учить танец с мечом, но вряд ли мой муж будет рад этому в будущем. Поэтому я отказалась от меча и лука, и подражала женщинам из других семей, училась хозяйству, поэзии, мягкости, почтительности и бережливости... Кто же знал...

Она потянула кувшин, налила себе чашу и выпила ее с запрокинутой головой; когда она опустила голову, краем глаза блеснула капля хрустала, и она пропала в одно мгновение, она поставила чашу с вином, и прошептала:

— В самом деле, в чем дело...

Увидев, что она снова собирается налить себе вина, Минлань протянула руку, чтобы надавить на кувшин с вином, и тихо сказала:

— Хотя это вино легкое, ты можешь опьянеть. Ты... ешь медленно... будь осторожна, чтобы не навредить себе.

Чжан Ши была очень пьяна, в гневе она схватила кувшин и выпила еще две чаши за один раз. Она хихикнула, глядя на Минлань:

—...сначала ты не хотела со мной разговаривать, не так ли? Я никогда не видела тебя такой честной, моя мать доверила слишком многое посторонним людям, видя мое лицо таким холодным и безобразным, я только думала об этом раз или два, увы... Ты хорошая девочка, я ценю твою милость...

Минлань думала об этом, но дело было не в том, что она была честной, а в том, что после ухода госпожи Чжан каждый раз она чувствовала себя виноватой, она спешила в дом семьи Шень, чтобы найти её дочь, чтобы отплатить за услугу.

После разговора об этом Чжан Ши казалась ещё более пьяной и снова и снова гладила Минлань:

— Глупая девчонка, послушай меня, не беспокойся о мужчинах, главное — отдохнуть и выздороветь. Мужчины глупы, зациклены на своей славе, вокруг них много псов, а страдают только женщины...

Пока она говорила, глаза ее покраснели, и она опустила голову и вытерла уголки глаз.

Минлань слегка нахмурилась и сказала с твердой улыбкой:

— Независимо от того, что произойдет в будущем, я полна решимости довериться ему один раз. Старый гун не только твой отец, но также и глава семьи Чжан. Даже если он не хотел выдавать тебя замуж, ему пришлось.

Чжан Ши подняла голову, долго смотрела на нее, сделала глоток вина и сказала тихим голосом с горечью:

— Сначала императрица объявила о намерении выдать меня замуж. У моего отца было семь или восемь двоюродных братьев, которые были прямыми родственниками нашей семьи, поэтому моя мать хотела попросить дочерей моих дядей пойти, но мой отец сказал, так как я была молода, и была самой уважаемой среди всех кузенов, должна пойти я.

От вина люди грустили, и, наконец, Чжан Ши больше не могла сдерживать слез. Когда она родилась, все было хорошо, но в замужестве она много спотыкалась. Лучше быть упрямой и холодной, чем просить о пощаде.

Минлань нежно погладила ее по спине, дав ей немного поплакать, но она не знала, как ее успокоить, поэтому могла только бормотать:

— Жалко, что я родила недавно, а то я могла бы поплакать вместе с тобой... я налью тебе ещё, ты все равно уже пьяна, можешь пить сколько хочешь... будешь похожа на свинью.

— Буду как дохлая свинья! — расхохоталась Чжан Ши.

Увидев, как она смеется сквозь слезы, Минлань наконец вздохнула с облегчением.

Чжан Ши отказалась позволить своей служанке войти, чтобы обслужить ее, поэтому она подошла к чаше с водой, скрутила носовой платок, села и осторожно вытерла следы слез, не очень заметные. Поплавав некоторое время и выпив большую часть вина, Чжан Ши поняла, что только что потеряла самообладание, поэтому, вытерев лицо, она мельком взглянула на Минлань.

Женщина, спокойно сидевшая на кровати, обняв колени, была бледна и худа, длинные ресницы ее слегка опустились, она не была похожа на мать, родившую двух сыновей, тем более глаза у нее были точно такие же, как у маленького А Юаня, которого она обнимала недавно. Только сейчас стало понятно, что от нее исходит ясное и теплое ощущение, которое заставляет людей чувствовать себя хорошо.

— Я не стану больше жаловаться, — вздохнув, она улыбнулась со слезами на глазах. — По крайней мере, у меня есть Ван. Отныне я буду присматривать за своим сыном и жить спокойной жизнью. Это неплохо.

— Что касается меня, когда я была ребенком, я всегда думала, что пока у меня есть маленький двор, я не беспокоюсь о еде и одежде, и я могу спокойно спать и быть ленивой, я буду довольна, — улыбнулась Минлань.

Чжан Ши подняла стакан.

— Я не обещаю... Эх, давай подбадривать друг друга, — улыбнулась она.

Минлань обеими руками подняла маленькую суповую тарелку и счастливо улыбнулась:

— Мы ободряем друг друга.

...Спустя долгое время они болтали в сумерках только для того, чтобы понять, что эти две фразы в то время были напрасны.

Чжан Ши родила полдюжины детей, и во второй половине жизни дети и внуки были у неё на коленях, было полно волнений и забот, ей некогда было вздыхать и быть одинокой. В то время как Минлань вышла из глубокого двора внутреннего дома, чтобы посмотреть на зеленые горы и реки, и прожила счастливую жизнь.

...

Когда Гу Тинье ночью вернулся в комнату, он увидел, что Минлань все еще не спит, лежит перед окном в оцепенении, с запрокинутой головой, глаза на её худом лице становились все больше и больше. Он не знал, о чем она думала. После повторного вопроса Минлань поджала губы и улыбнулась:

— Что я могу сказать? Вероятно, не так уж и плохо быть простыми жителями страны.

Гу Тинье выразил глубокое сомнение:

— Правда?

Минлань энергично кивнул:

— Не так уж и плохо продавать рис за серебро.

Гу Тинье сузил глаза.

— Я заказал в лавке большого воздушного змея. В эти дни ветрено и солнечно. Я попрошу кого-нибудь показать его тебе позже, — Гу Тинье обнял ее и посадил к себе на колени, поглаживая одной рукой ее иссохшие волосы и сделал вид, что нечаянно сменил тему.

— Я играю лучше, чем они, но жаль, что я не могу сейчас двигаться.

— Это дело почти закончено, и я вернусь пораньше, чтобы поговорить с тобой.

— Мне не скучно.

— Императорский лекарь сказал, что ты должна больше двигаться. Как только я освобожусь, я сопровожу тебя на гору, чтобы возжечь благовония.

— Хорошо.

— На этот раз у меня есть очень красивый пони, и я буду учить ьеб ездить на нем, когда тебе станет лучше.

— Гм.

— Что ты хочешь съесть в последнее время?

— ...Гу Хоу, сестра Чжан не говорила о вас ничего плохого, вы можете не волноваться, — внезапно произнесла Минлань.

Они некоторое время смотрели друг на друга, а потом одновременно рассмеялись.

Минлань прижала тыльную сторону ладони к губам, не могла не издать тихий звук и озорно сказала:

— Хоу не хочет видеть сестру Чжан.

Гу Тинье сказал с суровым выражением лица:

— Если она придет, не для того чтобы дразнить нас счастливой парой, я подожду, чтобы увидеть ее.

У него были приблизительные представления о родственниках, с которыми Минлань общалась.

Госпожа Чжун всегда любит хвастаться тем, что она и наложницы живут в гармонии, старушка Лю не могла не быть почтительной по отношению к своим родственникам. Младшая Шень Ши любит посплетничать о чужих семьях.

Только у Чжан Ши есть и проницательность, и опыт, и она может четко объяснить свое недоверие к браку и свой пессимистический взгляд на жизнь. В прошлом каждый раз, когда Минлань возвращалась из поместья Шень, она всегда долгое время чувствовала себя подавленной.

— Моя тетя очень хорошая, у вас, сестер, должно быть больше контактов.

Словно поняв, что у него на уме, Минлань ошеломленно рассмеялась. Она упала в его объятия

и прошептала:

— Не волнуйся, мы договорились.

Хотя в мире много обид, но есть и любящие пары, которые живут вместе вечно. Может быть, Бог сожалеет о том, что случилось. Надо попробовать.

Гу Тинье почувствовал неопишемое тепло в сердце.

На кровати лежали два толстяка, большой и маленький, Туань заснул, раскинув руки и ноги, а А Юань очень серьезно спал с угрюмым личиком, держа в руках любимую игрушку.

Гу Тинбе вдруг спрыгнул с кровати, выпрямился, громко засмеялся, схватил Минлань и несколько раз прокружился с ней. Минлань хихикнула, как ребенок, отчаянно прикрывая рот одной рукой. Одной рукой она хлопнула его по плечу.

— Отпусти меня скорее! Если ты разбудишь их, сам будешь укачивать!

Повернувшись более дюжины раз, они вдвоем упали на кровать, испытывая головокружение, и глупо рассмеялись.

Старшая служанка Цуй долго терпела в дальней комнате, и несколько раз хотела войти, потому что боялась, что Минлань устанет, но снова и снова улыбалась и качала головой — они все словно игривые дети.

Гу Тинье обрадовался и поспешно рассказал Минлань о том, что услышал:

— Знаешь ли ты, какие трудности испытали три члена семьи Дуань после того, как их обманным путем заманили во дворец?

— Скажи это, скажи это, — с любопытством спросила Минлань.

После того, как три члена семьи Дуань вошли во дворец, их, естественно, запугали и заперли, но поскольку ситуация была неясной, а дворец не был полностью под контролем, у вдовствующей императрицы Шен Де не было времени, чтобы отослать их куда-нибудь, поэтому она только заперла их в одиночестве в комнате дворца, приставив нескольких глухонемых тюремных рабов охранять.

Они находились там два дня и одну ночь.

— Просто будучи запертыми, какие неприятности вы можете испытать? — Минлань была

озадачена.

— Когда вы заперты, вам может не хватать только одного. Угадай, чего именно, — улыбнувшись, сказал Гу Тинье.

Минлань принялась перечислять: еда и питье, одежда и постельное белье, посуда...

Гу Тинье только покачал головой.

— Их не били, но они были голодными и замёрзшим. Помимо этого... То, чего больше всего не хватало, это Гон Туна.

Лицо Минлань сразу же позеленело.

Поскольку дворец был давно заброшен, в нем нет такой вещи, как туалет или ночной горшок. Люди могут пропускать еду и питье, но не могут контролировать свои выделения.

Минлань долго возмущалась, но не могла не спросить:

— Они... они... На землю?

Гу Тинье кивнул и улыбнулся.

— А куда ещё? Глухонемые охранники только выполняют приказы и игнорируют других.

Даже если делать это в одном углу, плохо просматриваемом, три знатные дамы, которые считались в столице достойными... Затем встретились с солдатами...

Минлань какое-то время ошеломлённо молчала, уголок ее рта дернулся.

— ...это слишком жестоко.

— Это? — Гу Тинье поднял брови.

Минлань отвернулась и тихо вздохнула:

— Женщины страдают без нормальной гигиены, увы, это действительно неудобно.

Ее тон был очень искренним.

Гу Тинье поднял брови ещё выше.

— Хорошая девочка, скажи правду.

Минлань некоторое время смотрела на него и, наконец, бросилась на кровать, накрылась с головой и расхохоталась.

— Хе-хе, хе-хе, хе-хе... Это так смешно...

Что ж, они были так сильно расстроены всего лишь из-за необходимости сходить в туалет в кусты. Это ничто по сравнению с тем, что могло случиться.

Думая об обычном достойном и величественном виде госпожи Дуань, Гу Тинье испытывал злорадную радость и, наклонившись, смеялся вместе с Минлань. Минлань почти задышалась под давлением его огромного тела, она изо всех сил пыталась перевернуться, и, когда ей удалось, она посмотрела на лицо мужчины, яркое, словно осеннее солнце. Ее сердце дрогнуло, и в конце концов она ничего не спросила.

Она подумала, что ей пора научиться доверять. Что бы ни случилось со стороны пожилой госпожи Цинь, она должна верить, что он не сделает ей хуже, и поможет.

Гу Тинье намеренно попросил ее отдохнуть и восстановить силы, Минлань тоже была рада оставить все дела, просто есть, спать, есть и играть со своими двумя сыновьями в свободное время. Туань с большим энтузиазмом относится к новорожденному младшему братишке, но жаль, что А Юань очень тихий, как бы ни шумел старший брат, пока не придет время просыпаться, он скорее притворится спящим, чем откроет глаза.

Туань помнил наставления матери, и к А Юаню нельзя было прикасаться во сне — он мог только обнимать новую куклу, сидеть, скрестив ноги, рядом с младенцем и смотреть на упрямого брата, лежащего с закрытыми глазами, сердито вздыхая.

Очевидно, это была очень плохая ситуация, но старшая служанка Цуй была тронута, и принимала желаемое за действительное:

— Говорят, что три года это почти старость. Старший брат — настоящий старший брат, поэтому он должен быть таким щедрым и полным энтузиазма. И им нелегко манипулировать. В будущем он создаст свою собственную семью. Он также может взять на себя инициативу и выжить в одиночку.

Минлань действительно хотела сказать: ваше старое воображение слишком богато.

Сейчас она молода и имеет хороший фундамент. Она так неторопливо живет и находится в расслабленном настроении. Спустя более десяти дней Минлань быстро снова стала белой и

румяной. Гу Тинье был счастливее, чем старшая служанка Цуй, когда он прикасался к ее поправившемуся телу.

В конце концов, двое маленьких детей Гу Тинвея не смогли выжить. За шесть или семь дней до выхода из заключения Минлань пришло известие об их преждевременной смерти. Гу Тинье ничего не сказал, но попросил кого-нибудь поддержать похоронную церемонию. Минлань была напугана во время беременности, и она сильно похудела. На то, чтобы она смогла немного поправиться, ушло две луны.

Но правда, им и не стоило искать оправданий, две эти ветви семьи Гу уже стали смертельными врагами.

В эти дни Императорская тюрьма и несколько тюрем были очень оживлены. Министерство наказаний, Храм Дали и Столичная прокуратура были заняты совместными судебными разбирательствами, а затем виновных осуждали одного за другим. Что же касается воров, воспользовавшихся пожаром в то время, то Лю Чженцзе было приказано наказать их только за грабежи, кражи, убийства и поджоги, не причастных к мятежу и не замешанных в этом жен и детей не тронули, кроме Гу Тинвея.

Если говорить о ворах, то Чжан Ши разобралась с ними более безжалостно, чем Минлань. Однако воры, напавшие на Чжан Ши, были просто ворами.

Но Гу Тинвей нет.

Если говорить, что он не имеет никакого отношения к мятежникам, то откуда ему знать, что вдовствующая императрица Шен Де обманом заманила во дворец всех жен генералов и их семьи? Много людей, присутствовавших в то время, слышали, как сообщники Гу Тинвея твердили:

— Госпожа Гу Хоу была вызвана во дворец по приказу.

Для чего? В какой дворец она должна была войти?

Далее эти захваченные сообщники также признались, что среди них было несколько военачальников в официальной форме. После небольшого допроса выяснилось, что эти немногие были повстанцами из армейской дивизии Учэн. Один из них — Су Ри, приятель Гу Тинвея, с которым тот часто выпивал.

Даже если кто-то хочет опровергнуть обвинения Гу Тинвея, это будет трудно. Даже если ему бы дали шанс объясниться, что бы он мог сказать?

— Ваше Величество, третий господин Гу не хотел бунтовать, он просто хотел избавиться от своей невестки и племянника.

Можно ли это сказать?

Той ночью поместье Нинъюань Хоу яростно сражалось, более половины обитателей были убиты и ранены, а пожар уступал по силе только пожару в имперском городе. Император был в ярости, независимо от того, правда это или нет, он решил наказать его, и сначала забрал первостепенный императорский орден Сяо Цинь, а затем Храм Дали осудил Гу Тинвея как предателя в соответствии с вышеуказанным намерением бунтовать. Однако, принимая во внимание разделение семьи, и подумав, что часть семьи Гу, особенно Гу Тинье, будут полезны стране, они проявили лояльность к тем, кто не был связан с Гу Тинвеем. Его жену и детей решили не делать рабами, однако потребовали изгнать Гу Тинвея из семьи Гу и запретить трем следующим поколениям его семьи занимать официальные должности. Иными словами, у его детей, внуков и правнуков не было будущего.

Как только был объявлен обвинительный приговор, все избегали третьей госпожи Гу из страха оказаться причастными, и даже семья Цинь плотно закрыла свои двери, не желая братья с ними за руки; среди семьи Гу только Гу Тинсюань и его жена посетили их несколько раз, выполняя свой долг родственников.

Еще через два или три дня эта пара подошла к дверям хоу Нинъюань до рассвета, и намеренно перехватила Гу Тинье, прежде чем он вышел, и прямо сказала, что пожилой госпоже Цинь нехорошо. В эти два или три дня Чжу Ши снова и снова плакала, и хотела вернуться в родительский дом. Теперь, когда в доме нет хозяина, слуги крали имущество хозяина и пренебрегали серьезно больной пожилой госпожой. Это действительно беспорядок. Они боялись, что в будущем будут ещё похороны, и спрашивали, что им тогда делать.

— Старший двоюродный брат так почтителен, — любезно произнёс Гу Тинье.

Гу Тинсюань — добрый человек, не умеющий говорить.

— Я... я имею в виду... что...

Он был крайне смущен, зная, что действия Гу Тинвея не имеют оправдания, он действительно не мог открыть рот.

Госпожа Сюань поняла намерения мужа и аккуратно сказала:

— Второй брат, твой двоюродный брат имеет в виду, что ты не можешь просто вычеркнуть два иероглифа из семьи Гу одним росчерком. Потворствовать хаосу слишком некрасиво, разве ты хочешь отказаться и от нас тоже? Твой двоюродный брат мягкосердечен, и понимает, что ты сам за себя, но он также хочет попросить тебя проявить жалость к оставшейся семье. Брак между твоим старшим племянником и семьёй Фу оговорён, должна быть свадьба, так как мы можем не позволить посторонним насладиться происходящим!

Гу Тинье засмеялся, сложил руки чашечкой и сказал:

— Невестка говорит быстро. Можете не волноваться. Шестой сын Фу сказал мне позавчера, что его мать очень довольна этим браком, и они просто ждут свадебного вина.

Он неоднократно поздравил их.

Госпожа Сюань гордилась собой, договориться об этом браке было действительно непросто, поэтому она с радостью приняла поздравления.

— Что у тебя на уме, невестка, просто скажи это, — сказал Гу Тинье.

Госпожа Сюань откровенно сказала:

— Я больше не прячусь. Не хватает людей, которые бы позаботились о многих вещах. Другие могут бояться обидеть тебя, второго брата, или хотят избежать подозрений в заговоре. Все это... мерзко... мерзко...

Гу Тинсюань поспешно добавил:

— Мао Суй рекомендует тебя.

Госпожа Сюань улыбнулась и посмотрела на своего мужа.

Гу Тинье улыбнулась, на мгновение задумался и сказал:

— Мой брат и невестка правы. Раньше я был небрежен. Я заботился только о том, чтобы выпустить гнев, и меня не заботило достоинство всей семьи. Хорошо, я найду время, чтобы зайти завтра. Пожалуйста, пригласите несколько человек из клана, и я перед всеми поручу это дело вам. Что вы думаете?

О мести, о которой следует сообщить, было сообщено. В конце концов, они в одной семье. Если он сам не разберётся с этим, проблемы будут только множиться.

Минлань узнала об этом вечером, и пошутила:

— Госпожа Сюань действительно умный человек. Она знает, что я сейчас занята тем, что ем и толстею, поэтому она специально пришла пораньше, чтобы найти тебя.

Гу Тинье держал на руках маленького А Юаня, тот трогал его за лицо.

— Когда ты выздоровеешь, все плохое снаружи исчезнет, — тихо сказал он. — Никого не останется.

Тон его был равнодушным, слегка торжественным.

Иногда он даже сожалел о том, что произошло. Если бы Минлань вышла за мальчика по фамилии Хе, то даже если бы ежедневные отношения между женой и наложницами не ладились, по крайней мере, они не должны были быть такими захватывающими, и не требовалось бы несколько раз бороться за жизнь с человеческими жертвами.

Минлань мило улыбнулась. Гу Тинье тихо вздохнул и протянул руки, чтобы обнять ее.

Рано утром следующего дня Гу Тинье в одиночестве выгнал свою лошадь из поместья по туману, за ним следовали Се Ан и другие охранники, и группа людей отправилась в Шаньшань Хутун на западе города. Прошло около получаса, Гу Тинсюань и его жена прибыли туда, но другие члены клана еще не прибыли.

После того, как госпожа Сюань вчера сделала небольшое внушение, дом, наконец, вернулся к порядку из хаоса предыдущих нескольких дней, и слуги входили и выходили, чтобы обслуживать гостей в упорядоченной манере, но те, кто был заинтересован, могли увидеть упадок с первого взгляда.

Госпожа Сюань была занята обходом, поэтому его должен был сопровождать Гу Тинсюань. Он долго молчал и вдруг сказал:

— Вчера я воспользовался твоим именем, чтобы пригласить лекарей, и несколько императорских лекарей сказали, что тётушка действительно плоха. Почему бы тебе не зайти и не посмотреть? Боюсь, это последний раз.

Гу Тинье на мгновение замолчал, затем улыбнулся и сказал:

— Правильно, я сейчас войду, пожалуйста, брат, веди меня.

Гу Тинсюань вздохнул с облегчением, быстро встал и повел его во внутренний двор.

Дорога была холодной и чистой, но ранним утром в доме не было ни одной женщины, подметающей дом, а клумбы с цветами и деревьями заросли сорняками, за ними давно не ухаживали. Когда он вошёл в покои пожилой госпожи Цинь, в нос ударил сильный запах лекарств. Двери и окна были наглухо закрыты, а две ленивые служанки стояли на страже у дверей и беспрестанно зевали. Увидев их приближение, они поспешно поклонились.

Как только он вошел во внутренний зал, он услышал резкий ругающий звук из внутренней комнаты, Гу Тинсюань был ошеломлен, в уголках рта Гу Тинье появилась ухмылка, он сделал шаг вперед и протянул руку, чтобы поднять угол дверного полотна.

Он увидел старую женщину с растрепанными волосами на кровати, указывающую на Чжу Ши,

которая стояла перед ней.

— ...ты грязная сука, у тебя гнилой живот... Мы, мать и сын хорошо к тебе относились, что значит ты была права насчёт нас?! — продолжала кричать она.

Чжу Ши несчастно улыбнулась и громко сказала:

— У вас все еще есть наглость упоминать моего мужа! Сколько раз я говорила: пожалуйста, не беспокойтесь о титуле, возможно, нам неплохо жить в мире! Но вы просто не хотите сдаваться! У моего мужа есть мужество, разве вы не знаете, что только из-за вас он был вынужден грабить, драться, убивать и поджигать! Его жизнь была потеряна! Это была ты! Это ты та, кто убил его!

Старуха с трудом села на кровати, брызжа слюной во все стороны:

— Ты, как ты смеешь ослушаться...

— Что? — саркастически сказала Чжу Ши. — Ты все еще не хочешь дать мне развода? Ты действительно думаешь, что у тебя есть способность достичь неба! — она внезапно расплакалась. — Тинвей мертв, и его можно назвать жадным и самонадеянным. Но двое моих детей... Ты, слепая старуха, ты та, кто вызвал эту катастрофу!

Старуха чуть не упала в обморок от гнева, и прежде чем Чжу Ши успела договорить, она взяла со стола футляр для очков и с силой швырнула его, в то же время крича:

— ...ты не можешь вынести одиночества. Вон, сама найдешь себе мужчину, я ничего тебе не дам! Не видела мужчину три дня и уже хочешь развода, голодная дикая собака! Течная сучка!

Гу Тинсюань, который был вне дома, потерял дар речи, когда услышал всевозможные непристойности, которых он никогда раньше не слышал.

Когда Чжу Ши повернулась, чтобы избежать футляра для очков, она увидела братьев Гу, которые стояли у занавески, ей было так стыдно, что она хотела умереть, и когда она услышала, как госпожа Цинь резко ругается, в ней внезапно появился прилив храбрости. Ее сердце быстро забилося.

Она вышла за дверь, подняла голову к двум братьям и сказала слово за словом:

— Я давно хотела уйти, но я просто не могла оставить детей. Теперь, когда их нет, я не хочу оставаться с ней больше ни дня. Невестка убедила меня сделать все возможное перед отъездом и прояснить ситуацию. Теперь, когда ее слова ясны, моя родная семья немедленно приедет, чтобы забрать меня, — она задохнулась и не смогла сдержаться. — Братья, невестка, пожалуйста, уходите сейчас же.

Сказав это, она низко поклонилась, затем закрыла лицо руками и быстро убежала.

В этой ситуации Гу Тинсюань не знал, уговаривать ему или останавливать, он просто стоял там, не зная, что делать, пожилая госпожа, Цинь Ши, внутри все еще ругалась, и он не знал, следует ли ему идти внутрь или нет.

Гу Тинье улыбнулся и сказал:

— Невестка во внешнем дворе сейчас занята, почему бы вам не пойти и не взглянуть, чтобы я мог поговорить с пожилой госпожой.

Гу Тинсюань не мог определиться, что он хотел, поэтому поспешно сжал кулаки, поклонился и ушел. Гу Тинье смотрел, как он уходит, и подмигнул двум охранникам за дверью. Двое охранников поспешно вывели трех или четырех слуг внутри и снаружи дома со двора, а затем закрыли дверь и оставили их снаружи.

Медленно войдя во внутреннюю комнату уверенными шагами, он увидел, как Цинь запыхалась от брани и во весь голос звала кого-нибудь, чтобы он пришел и налил ей воды.

Гу Тинье медленно подошел к столу, налил чашку чая и поставил ее на стол на кровати и сказал:

— Просто выпей немного воды.

Он посмотрел на старую и грязную старуху перед ним, одеяло на кровати было в пятнах, его не меняли несколько дней, ей было явно только за сорок, но она выглядела как умирающий человек в свои семьдесят и восемьдесят, лицо ее ненормально покраснело.

Несколько искр вырвалось из догоревшей свечи — он медленно кивнул, она действительно умирала.

В мутных глазах Цинь отразилось глубокое негодование:

— Ты, ты, ты посмел прийти ко мне! Это твой собственный брат... Ты, ты можешь сделать все... Ты такой жестокий!

Гу Тинье слегка улыбнулся:

— Как легко вы говорите, третий брат поджег мой дом и чуть не убил свою невестку и племянника, а затем погиб от случайной стрелы.

Словно умирающий зверь, Цинь с обидой смотрела на мужчину перед собой, такой красивый и здоровый, а ее сын и внук уже лежали в холодном гробу, медленно разлагаясь. Она не могла дышать!

Ее биологический отец, хоу Дунчан, был элегантным человеком, который мог потратить много денег только на дверной молоток, в то время как ее биологическая мать была нежной и хорошей в быту. Какая чудесная жизнь была у нее в детстве, с жемчугами и изумрудами, со всем, чего только можно было ожидать, и каждый раз, когда она выходила на поэтические встречи, ее выходной наряд вызывал зависть у всех девушек.

Жаль, что такое хорошее время длилось только до четырнадцати лет. Очередная смерть ее родителей не только отсрочила ее замужество, но и отрезала половину от достатка в ее жизни. Когда брат и невестка заняли поместье хоу, оно было уже пустой оболочкой, и внешняя сторона должна была поддерживать фасад, поэтому ей приходилось страдать внутри. Наконец, старший зять семьи Гу часто выручал их, но кто знал, что старшая сестра также скончается чуть позже.

В то время старшая невестка внезапно упомянула ей о возможности брака с семьей Нинюань Хоу. Она вспомнила, что сказала в тот день невестка...

«Сестра, это не потому, что твоя невестка злая и говорит тебе покинуть дом. Это потому, что ты стара, и трудно найти хорошего мужчину. Вся наша семья знает, как обращается с женой твой старший зять. Ты сестра его любимой жены. Он сможет хорошо к тебе относиться после того, как ты выйдешь замуж. Бедняжка... та скромная дочь торговца солью не стоит упоминания, она рано или поздно получит развод! Кроме того, могут ли люди, оставленные твоей старшей сестрой, сделать твою жизнь плохой? У тебя не будет свекрови, это также хорошо. Хоть этот брак и выглядит некрасиво, но он достаточно хорош. Тело Тинъю, увы, слабо, он не проживет долго. Ты родишь сына, и он получит титул! Он добьется успеха в будущем! Разве ты не можешь справиться с маленьким ублюдком, рожденным Бай Ши?

Невестка много говорила, а в душе иронизировала, думая о том, что не сможет дать ей достаточно приданого. Выйдя замуж за зятя, чтобы заполнить его дом, можно сэкономить много. Если нет, то брак будет с более мелкой семьей, что ударит по лицу хоу, в выйти замуж все же хочется высоко... Хотя старшая сестра пользовалась большой популярностью у своего мужа, ей было нелегко родить ребенка, и единственный сын был слаб, это также испортило репутацию второй дочери семьи Цинь, и она не была обручена.

Она стала мачехой и у нее возникла идея завладеть титулом семьи. С того дня, как она вышла замуж за Гу, она стиснула зубы и помнила, что не важно, как ее будут обижать, в конце она обязательно победит. Это ее сын станет хоу!

Она внимательно опрашивала лекарей и была уверена, Гу Тинъю не проживет долго. Перед ней было всего одно препятствие. Гу Тинье.

— Что ты здесь делаешь? — процедила сквозь зубы она. — Ты пришел посмеяться надо мной?!

Гу Тинье молча посмотрел на нее, а через некоторое время сказал:

— Вы действительно думаете, что мой третий брат трагически погиб, а я буду радоваться?

Цинь не сказала ни слова, но сердито повернула голову.

— В конце концов, мы родственники из одной плоти и крови. Мы с юных лет вместе лазили по деревьям, чтобы собирать фрукты. Я держал его на вытянутых руках, боялся, что он упадет и поранится... Готов ли я просто смотреть, как он уходит? — Гу Тинье был так зол, что хлопнул ладонью по столу, отчего чайные чашки со стола слетели вниз.

Цинь с усмешкой повернула голову обратно и сказала:

— Что? Моя невестка только что обвинила меня, ты хороший второй брат, и ты также пришел защитить Тинвея, ругая меня, старуху, чтобы излить свой гнев? Ну, вы все хорошие люди, муж и жена любят друг друга, братья любят друг друга, но я единственная, кто отвратителен! Если вы действительно это имеете в виду, вы давно должны были отказаться от поместья хоу в пользу своего младшего брата!

— Ты, у тебя нет никаких сожалений? — тихо спросил Гу Тинье с холодным взглядом, опуская вежливость.

— Я сожалею только об одном. Если бы я знала, что ты не сможешь умереть, даже будучи бедняком, я бы рискнула своей репутацией и вызвала подозрения, но я бы сделала ход раньше и убила тебя!

Цинь с силой выплюнула густую мокроту, которая слабо упала на пол перед кроватью.

Гу Тинье посмеялся над собой, медленно повернулся и пододвинул стул, отряхнул и сел на него.

Цинь все еще вела себя неадекватно и продолжала громко ругаться:

— Ты ублюдок, с отцом и без матери, грязный торговец солью, как твоя мать может быть образованной, ба, смеет смотреть на хоу! Почему? Почему я потеряла своего сына и внука, а ты так и не потерпел неудачу?!

Гу Тинье не рассердился и только подождал, пока она задохнется от ругани, прежде чем медленно открыть рот:

— Ты была проницательным всю свою жизнь, и ты слышала Чжу Ши, так что ты точно знаешь, что к чему. Итак, ты убила своего сына, кто же убил твоего внука?

Цинь не ожидала, что он вдруг упомянет об этом, и через некоторое время она стиснула зубы и сказала:

— Эта сука Ю, я хорошо к ней относилась, но на самом деле она...

— Это утверждение неверно. Изначально она была старшей женой семьи Ю. У нее были сыновья и дочери, а ее муж был послушным. Она была обманута вами и в итоге получила развод. Разве в эти дни у тебя не было других планов кроме как ухаживать за ней в качестве гостя в поместье? — Гу Тинье насмешливо улыбнулся.

Цинь внезапно сильно задрожала, как умирающая речная рыба на разделочной доске, ее раскрасневшееся лицо быстро посерело, как у мертвеца:

— Ты, ты... Может быть, это ты... Ты убил моего внука?!

Голос был хриплый, словно крик нечистой силы.

Гу Тинье был совершенно невозмутим:

— Я хочу сделать добро своей жене и детям, в отличие от тебя, я не буду этого делать.

— Тогда... — Цинь была в растерянности. Хотя у нее кружилась голова от гнева, она также знала, что ей не нужно было лгать себе прямо сейчас.

Гу Тинье встал, заложил руки за спину, несколько раз медленно прошел по комнате и встал перед окном:

— После того, как бывшая госпожа Ю получила развод, учитывая её возраст и поведение, она больше не могла оставаться в доме родителей, она могла жить лишь в женском монастыре. Ты не хотела заботиться об этом, но подбрасывала дров в огонь, и посылала ей деньги, еду и одежду, сообщая, что это ее дети шлют ей все это. В то время Ю Яньжань из Юньнань отправила новогодние подарки Минлань. Эти слуги были из семьи Ю, и, поскольку они не знали подробностей, они остановились у женского монастыря и на обратном пути поклонились бывшей госпоже Ю. Именно эти две вещи сделали тебя злой.

Чем больше Цинь слышала это, тем больше она пугалась, ее тощие руки крепко сжимали одеяло:

— Ты... откуда ты знаешь...

— Я знал это с первого дня, когда ты пригласила госпожу Ю к себе домой, — Гу Тинье равнодушно посмотрел на неё.

— Тогда как ты смеешь говорить, что не убивал моего внука! Ты злой вор! — яростно закричала Цинь.

— Я этого не делал. От начала до конца я сделал только две вещи, — Гу Тинье медленно поднял голову. — Прежде всего, я попросил четвертую госпожу Ю привести Гун Хунсяо, чтобы та прояснила ситуацию, чтобы Минлань не обвиняли и не ругали за ее спиной ни за что. Второй — первый раз предметы были отправлены ее детьми. Только в первый. В остальные два раза их присылали мои люди под именем семьи Ю, но, поскольку она случайно узнала об этом, чем чаще ее приглашали в дом, тем больше у нее было шансов напасть.

Цинь всхлипывала, борясь с дрожащими руками и ногами, она отчаянно пыталась броситься на него, но была слегка оттолкнута Гу Тинье, а затем упала на кровать, не в силах подняться, задыхаясь, и не в силах произнести ни слова.

Гу Тинье снова откинулся на спинку стула и медленно сказал:

— Ты думаешь, что ты красноречива, и бывшая госпожа Ю, которая снова была обманута, поверила. Ты думала, что она также ненавидела Минлань всем сердцем, как и ты, и хотела взяться вместе с тобой за месть, но ты ошиблась. На самом деле, она не была. Она все поняла и давно ненавидела тебя до мозга костей. Думала, что была глупа раньше, поэтому попалась на твою уловку.

Цинь была похожа на сжатую ядовитую змею, обмякшую и неспособную двигаться, и хрипло сказала:

— Я, я собираюсь подать на вас в суд... подать в суд на вас, ха-ха... героический и верный Гу такой злодей! Я испорчу тебе репутацию...

Ей стало так обидно, что ей захотелось ногтями разодрать его плоть.

— Подать в суд? — Гу Тинье холодно посмотрел на нее. — Она собрала одежду людей, умерших от эпидемии, соскоблила язвы и превратила их в порошок, подкупила слуг этого поместья... С самого начала до конца, бывшая госпожа Ю сделала все сама, я просто дважды отправлял ей вещи от имени поместья Ю. Кто сможет хоть что-то сказать против меня? Я всего лишь проявил сочувствие к женщине, которая была матерью моей первой жены.

— У тебя порочное сердце! Это твои настоящие племянники и племянницы! Как ты можешь быть таким жестоким... — Цинь не могла больше этого выносить, хлопнула по кровати и горько заплакала.

Гу Тинье саркастически рассмеялся:

— Это так странно, ты можешь без колебаний предавать плоть и кровь других людей, но другие

не могут сопротивляться? Ты так вежливо обращаешься с Ю, потому что чувствуешь жалость к ней и сожалеешь о том, что ты причинила ей вред? Нет. Ты сказал, что в следующий раз когда Ю Яньжань пошлет что-то Минлань, у тебя будет способ добавить туда что-нибудь. Ты ведь для этого поддерживала близость с ней, верно? Если случился такой инцидент, я боюсь, что изначально это был твой план.

Глаза Цинь были пусты, она неподвижно сидела на кровати, что-то бормоча.

Думая об этих двух детях, Гу Тинье не мог этого вынести.

— Честно говоря, я не знал, что на самом деле хочет делать бывшая госпожа Ю. Но она должна была отомстить тебе. Похоже, этот план ей подсказала ты сама. Твои брат и сестра сказали, что ты убила своего сына и своих внуков. Они абсолютно правы, — сказав это, Гу Тинье медленно встал и направился к двери.

Мысли Цинь были беспорядочны и полны безнадёги, ее зрачки были расширены, она лежала, сгорбившись, и слегка дергалась, уголки ее рта были искривлены, она пускала слюни, и не могла даже пошевелить кончиками пальцев.

Увидев ее уродливую и жалкую внешность, Гу Тинье вдруг подумал о своем детстве.

Когда его биологическая мать скончалась, он ничего не знал. С того дня, как он стал разумным, его мачеха была единственной, кто заботился о нем. Цинь была нежной и красивой, доброй и любезной, и ему нечего было сказать ей. Когда старый отец преследовал и бил его, он без колебаний прятался за нее — он действительно считал ее своей матерью.

В то время он смутно понимал, что его старший брат Тинью не проживет долго. В молодости он решил, что если он получит титул, он будет почтительным по отношению к Цинь, будет любить своих младших братьев и сестер, и сделает для них все, что сможет.

Он даже подумал, что было бы лучше, если бы он был глупым, может быть, так он был бы счастливее.

Но он был очень проницателен, прочитав отрывок из "Чжэн Боке Дуань", он понял, что такое "Убийство похвалой". Она строго сдерживает девушек в покоях третьего брата? Тогда почему она всегда просит маленькую служанку отвести его в бордель или винный магазин, чтобы поиграть, а третий брат должен каждый день учиться и заниматься боевыми искусствами?

Это действительно для его блага?

Он медленно повзрослел в этом обмане, и, когда он понял, что чудом избежал смерти, это было так душераздирающе.

Когда-то он так доверял ей и так любил ее.

Стоя у двери, он поднял занавеску и остановился.

— Фан Ши, бывшая госпожа Ю, тоже не останется безнаказанной. Все кончено.

Сказав это, он вышел из покоев без оглядки, он оставил грязь, обман и заговор за двумя поколениями и десятилетиями запутанности и таким образом все это стало, о котором больше не будут упоминать.

Два дня спустя кто-то пришел из поместья Гу Тинвея, чтобы объявить о похоронах, Цинь скончалась.

Похороны были очень простыми, всего один день траура, по двое и по трое пришли более десятка человек из клана Гу, и вскоре ее предали земле и похоронили недалеко от Гу Янкая, рядом со старшей госпожой Цинь. Чжу Ши не пришла на поклонение.

Поскольку Гу Тинвей был обвинен, никто в семье никогда не упоминал о том, чтобы дать ему приемного ребенка. Огромное семейное имущество внезапно потеряло своего владельца, поэтому Гу Тинье решил разделить его на четыре доли. Одну он забрал себе для ремонта сгоревших домов, вторая часть была отдана четвертому пожилому господину, третья часть была отдана пятому пожилому господину, а четвертая использовалась как жертвенное поле для обучения бедных детей рода.

Этот ход был высоко оценен кланом.

Полмесяца спустя гун Ин привел свою армию обратно в столицу с длинным списком пленных и трофеев, он прошел мимо городских ворот, мимо великолепных пейзажей и весь город ликовал и восхищался. Из-за возраста гун Ину было трудно пробудить женское воображение. Большинство кошельков, цветов и фруктов бросал в красивую дядюшку средних лет, Дуань Ченцяня.

Шень Цунсину не разрешалось ездить верхом по улицам из-за травмы ноги, он был в депрессии, он даже не пошел на церемонию у городских ворот, он срезал путь в свое поместье и попросил своих солдат отнести его во двор Чжан Ши.

Первое, что он сделал, это подозвал к себе младшую Цзоу Ши, три или четыре раза поднял на неё руку и сердито закричал:

— Я говорил тебе быть осторожнее, но ты не послушала. И что происходит сейчас? Это почти катастрофа!

Шень Цунсин изначально хотел поднять старую тему наложниц, но Чжан Ши по-прежнему отказывалась участвовать в этом, поэтому ему пришлось наказать Цзоу самому. Так что после того, как от отлупил её по щекам, ей добавили ещё и по ягодцам.

Затем он отругал старшего сына:

— Ты все книги прочитал? Что такое этикет и кто такая наложница? Твоя мать скончалась, а Чжан Ши главная жена! Как ты смеешь не слушать ее слова? Ладно! Если ты не любишь слушать других людей, то тебе следует быть умнее! У тебя нет навыков, и ты слушаешь только глупые слова наложницы! Когда случается беда, ты прячешься в шкаф! Какой из тебя мужчина! Воры ворвались в поместье, если что-то пойдет не так, что станет с репутацией твоей сестры?! Что ты скажешь ей делать в будущем?! У тебя все ещё есть лицо, чтобы показаться перед своей умершей матерью в будущем?!

Мальчик просто хотел опровергнуть принцип и сообщить, что тётя важнее мачехи, но отец пнул его здоровой ногой, и его отправили стоять в храме предков на коленях перед табличкой матери.

Повернув голову, он увидел свою молодую и красивую вторую жену, которая держала кувшин, улыбалась и говорила:

— Сегодня жарко, тело хоу грязное и потное, давайте смоем жару хорошим целебным вином в кувшине.

Говоря это, она подняла крышку, и сильный запах спирта ударил ему в лицо.

Шень Цунсин сжал свою травмированную ногу и неосознанно понизил голос:

— Это... разве это не крепкое вино?

Оно было первоклассным.

Лицо Чжан Ши было полно жалости и беспокойства:

— Простой горшок вина, каким бы дорогим он ни был, может ли он сравниться с твоим телом? Хоу, давай выпьем!

По спине Шень Цунсина пробежал необъяснимый озноб.

Еще через полмесяца Минлань даже села. От веса до внешности она выглядела хорошо. Гу Тинье обнял свою прекрасную белоснежную и пополневшую жену.

Туань поддержал одной рукой дверь и спросил:

— Я хочу спать с мамой, почему я не могу?

Старшая служанка Цуй была очень смущена, проблема была очень сложной.

Туань наполовину понял:

— Отец и мать занимаются делами?

Господин Гунсунь, который только что вернулся, научил его, что мальчики должны быть благоразумными, когда вырастают, и что не должны шуметь, и мешать родителям когда у них есть дела.

— Да, да, это просто дела! — старшая служанка Цуй покраснела.

Туань обрел уверенность и быстро продемонстрировал четыре слова, которые он только что выучил:

— Это крупное национальное событие?

Господин Гунсунь сказал, что это самое важное событие в мире.

Мать Цуй покраснела ещё сильнее.

— ... важнее национальных дел...

Туань вдруг понял.

— О, тогда я буду спать один.

Он хотел быть хорошим и рассудительным мальчиком, и пошел обратно на своих пухлых ножках.

На следующее утро его отец уже ушел в суд. Увидев, что мать встает поздно и лениво, он обрадовался и задал ряд вопросов, чтобы выразить свою озабоченность:

— Мама, прошлой ночью вы с отцом устали от важных дел. Это национальные дела? Вы закончили? Хочешь повторить сегодня вечером? Попроси меня переночевать в своей комнате, ладно, я не буду шуметь... Мама и папа займутся... делом.

Минлань, полоскавшая рот, выплюнула воду.

В комнате было тихо, повисло неловкое молчание.

Люйчжи, казалось, съела что-то не то, Сяхе, казалось, вот-вот потеряет сознание, старшая служанка Цуй пожалела, что не нашла дыру в полу, чтобы провалиться в неё. В комнате был только один невинный и счастливый толстяк, оглядывавшийся по сторонам, и не осознававший, что именно он сказал.

Конечно же, если в жизни нет смущения, такая жизнь будет полна одиночества.

Спустя более десяти дней старый генерал Бо наконец вернулся.

На этот раз вдовствующая императрица Шен Де, десятилетиями окапывавшаяся на северо-западе, была полностью раскрыта, а разграбленное имущество было неисчислимо, что могло заполнить большую часть казны, которая на этот раз была опустошена для использования войск.

Император был очень счастлив и собирался щедро наградить его. Старый генерал Бо опирался на костыли и мычал с полумертвым видом, показывая, что он потерял большую часть своей жизни, и что он действительно собирается уйти в отставку. Видя, что старик старается изо всех сил, император еще больше обрадовался и потратил много денег, а Бо, Чжан, Шень, Гу, Дуань и другие полководцы были высоко вознаграждены и повышены в звании.

Победители должны вознаграждаться, виновные должны наказываться.

Прямая родословная вдовствующей императрицы Шен Де включала в себя ее родную семью, ее доверенных лиц... Любой, кто непосредственно участвовал в заговоре, будет наказан и подвергнут обыску и конфискации имущества.

По иронии судьбы, вдовствующая императрица Шен Де не могла умереть и провела остаток своей жизни, «отдыхая в отдаленном дворце».

Поскольку третья наложница допустила ошибку «в воспитании принца Жуйя», она была казнена, а принц Жуй, которому было немногим более десяти лет, был понижен до простолюдина и заключен в тюрьму вместе с собственными родителями — бедный наивный ребенок.

Эти люди были довольно громкими, но наложница Жун «умерла от болезни» беззвучно.

Любимая наложница убита, чтобы позволить сыну унаследовать трон, что было более неловко, чем вторая мать, собирающая бунт. Император был не только зол, но и опечален.

Император прекрасно знал, что семья вдовствующей императрицы Шэн Же была переплетена на протяжении десятилетий, и в родстве с ней насчитывается более сотни семей, поэтому её не следует вовлекать слишком широко, чтобы не расшатать фундамент столицы.

Все министры хвалили императора за его мудрость.

На этот раз его жестоко предала наложница. Причина, по которой император все еще может сохранять щедрость и любовь — это императрица.

В то время, когда во дворце произошел бунт, приближенные императора немедленно увезли двух принцев тайным путем, чтобы избежать беды. Императрица могла уйти вместе с ними, но она не только отказалась, но и походила на невежественную сельскую женщину — кинулась на бессознательного мужа и громко заплакала.

С соплями и слезами, она причитала, вспоминая все, от «кузнечика, которого мы вместе гоняли в те годы» до «Зачем ты оставил своих жену и детей, ты такой бессердечный», била драконье ложе и выла, чуть не оглушив императорского лекаря, который вводил иглы для детоксикации. Император не знал, проснулся ли он от плача или от досады, когда он открывал и закрывал глаза, тем, что он видел, была эта желтолицая женщина с соплями и слезами на лице.

После смуты тело дракона зажило, и император, наконец, трезво осознал, что хотя его жене не доставало умения управлять шестью дворцами, не хватало терпимости и не хватало знаний, но она была лучше всех в своей искренности по отношению к нему.

Хотя женщины в гареме очень очаровательны, кто знает, какое сердце скрыто под красивой кожей. В общем, итогом было то, что императрица снова беременна.

После Фестиваля Голодных Духов работа и отдых Гу Тинье постепенно стали нормальными, и ему также пришлось взять несколько выходных, чтобы принять ванну, поэтому он заговорил о том, чтобы взять Минлань на прогулку.

Поначалу Минлань было все равно. Как говорится, важные чиновники двора могут хотеть чего угодно, но реальность жестока и призвать во дворец могут в любой момент.

Неожиданно Гу Тинье вышел в этот день перед рассветом, и было еще раннее утро, когда он вернулся домой. Увидев, что его жена все еще лежит в постели, он бесцеремонно вытащил ее из постели, и взволнованно сказал: пошли на прогулку.

В будние дни она хорошо выдрессировала слуг, ее одежду и вещи упаковали без ее участия.

Минлань проводили до повозки, она шла в оцепенении. Она только чувствовала, что день приближается.

Повозка качалась и качалась, вкупе со свежим воздухом, Минлань чувствовала себя очень комфортно, как будто лежала в колыбели, так что она крепко заснула, а Гу Тинье вздыхал, наблюдая. Он наконец-то понял на кого похож А Юань.

С раннего утра до полудня Минлань спала и проснулась голодной.

В повозке был накрыт стол, и они вместе пообедали, Минлань не забыла спросить, куда они направляются, но у Гу Тинье было загадочное лицо, и он отказался говорить. Вместо этого он рассказывал интересные анекдоты во время поездки.

Минлань вдруг вспомнила, что однажды на посиделке за чаем, когда все родственницы говорили о семейных письмах своих мужей и зятьев, большинство генералов писали только то, что можно было и не читать.

Вроде «Думая о хорошей жене дома, которая много работает, чтобы вести хозяйство, я не чувствую боли, когда нахожусь на улице».

После того, как Минлань отвели к кривому зданию, она не удосужилась задать больше вопросов. Они смеялись и смотрели на пейзаж вдоль дороги, и, наконец, прибыли к месту назначения — пологой горе с пышными деревьями. Время от времени можно было услышать пение птиц.

— Если хоу хочет взять меня с собой в горы, неподалеку от столицы есть места, такие как гора Цися, гора Чжэньмянь, гора Лююэ... почему бы не приехать туда?! На этой горе, что есть большой храм и или великий монах? Хоу хочет погадать? Что мы тут делаем?

Минлань устала и запыхалась, пытаясь поспеть за ним и придерживая юбку.

Но как бы сильно она ни жаловалась, Гу Тинье просто улыбался, не говоря ни слова, шел вперед, постоянно призывая ее взобраться наверх. После получасового ползания по горе, Минлань почувствовала, что ее грудь горит, а дыхание было похоже на дыхание старухи.

Гу Тинье внезапно остановился и указала вперед.

— Мы пришли.

Минлань не заботилась о своем имидже, она села на гладкий и белый валун, энергично вытерла лоб и щеки носовым платком и осмотрелась. Это оказался огромный выступающий камень посреди горы. Он был ровный и чистый. Она посмотрела на север вдоль руки мужчины и вдруг удивленно сказала:

— Сяолин?!

Гу Тинъе указал на белое здание неподалеку и с улыбкой сказал:

— Это южная сторона мавзолея Сяолин. Отсюда вы можете увидеть мавзолей императрицы Цзинь Ань.

Эти дни не были похожи на современные времена, когда вы можете петь в Тадж-Махале, имея только билет. В это время императорский мавзолей является важным местом с солдатами и охраной, и к нему нелегко было подобраться. Но...

— Хоу хочет показать мне мавзолей императрицы Цзинь Ань?

Она была очень озадачена.

Гу Тинъе указал на склон холма над своей головой и сказал с улыбкой:

— Мало того, на вершине холма есть павильон, который, как говорят, был местом, где госпожа Люли и Гао Даши поклонялись небу и Земля.

Минлань был ошарашена и очень хотела спросить: «Может быть, ты узнал ещё, что мы все носим одежду?»

Гу Тинъе коснулся ее вспотевшего лица, розового и здорового.

— Обычно ты не выбираешь книги, но тебе особенно нравится читать исторические эссе об этих двух людях, не так ли?

— ...Ты, разве ты не удивлен... — безучастно сказала Минлань.

— Что тут странного? Раньше я любил читать классиков, например, Хо Гуана. Ты же женщина, так что же интересного в том, чтобы читать этих госслужащих и генералов? Естественно, надо читать рассказы для женщин.

Минлань почувствовала облегчение, позволила ему послушно отвести и вместе с ним посмотрела на чудесный мавзолей.

Осень была свежая, а небо яркое. В свете бледно-золотого солнца здание, где находились мертвецы, выглядело необыкновенно. Здесь были выгравированы драконы, фениксы, единороги, львы... А еще много странных зверей, которых она не могла вспомнить, высеченных из белого мрамора. Они были как живые, то поднимали головы, то копыта, то расправляли

крылья, на фоне багряно-ярких перил, наслоившихся друг на друга, выглядели как боги, в благоприятных облаках и тумане.

В окружении зелени, столетних вековых деревьев, казалось, что это торжественное и золотое царское кладбище похоже на волшебный рисунок.

Двое долго осматривались, затем Гу Тинье выдохнул и сказал:

— Ты читала стихи императрицы Цзинь Ань, что ты думаешь?

— Они все превосходны, — сказала она.

— Это действительно потрясающе, но жаль, что красотке не повезло, — сказал Гу Тинье.

Минлань дернула уголок рта: как может не быть удивительным накопление тысячелетий древней цивилизации?

Гу Тинье долго вздыхал.

— Я иногда думаю, что если бы императрица Цзинь Ань не скончалась внезапно, сколько бы вещей было по-другому, — тихо произнёс он.

На этот раз Минлань не жаловалась.

Если бы императрица Цзинь Ань не была отравлена и не умерла... Прежде всего, Бай Ши не вышла бы замуж за семью Гу, естественно, Гу Тинье не родился бы, вторая госпожа Цинь и её сын могли бы взять на себя власть. Затем, учитывая пятую и четвертую ветви, поместье хоу, без защиты Гу Тинье, вероятно, отобрал бы император.

Судьба большей части семьи Гу изменилась бы из-за этого.

Она, вероятно, все еще сталкивалась бы с семьёй Цао или путешествовала бы вместе с Хе Хунвеном.

Пробыв там некоторое время, они снова отправились в путь, изо всех сил пытаясь подняться на вершину горы.

Эта половина горы была немного круче. Хотя подняться было несложно, это требовало двойных усилий. На этот раз Минлань не жаловалась. По пути они встретили дровосека, который спускался вниз, напевая народную песню. Минлань улыбнулась ему, и он едва не скатился с горы.

Мужчина сердито обернулся, взял покрывало из рук сопровождавшего их слуги и с силой надел его на жену.

Они останавливались и говорили, говорили и смеялись, и, наконец, достигли вершины горы. Следуя по пути, указанному старым дровосеком, они, наконец, нашли павильон, который был назван «Ван Ван».

— Как придумали это название?

Гу Тинье нахмурился, ему действительно не повезло.

— Госпожа Люли однажды сказала, что когда нет надежды, это означает, что она скоро появится, — гладко ответила Минлань.

Четыре обветшавших столба, облезших настолько, что исходного цвета не видно. Крыша павильона с семнадцатью или восемнадцатью отверстиями имела хорошую светопроницаемость, а под ней находилось семь или восемь поврежденных каменных столбов. Если ветер подует еще немного сильнее, несколько кусков щебня могут упасть.

Ради своих голов они решили не входить и сесть рядом, нашли большое дерево с высокой сосновой кроной, и двое слуг поспешно вытащили из-за спины мягкие табуретки, поставили их и попросили Хоу Е и его жену сесть, поставили небольшой чайник и начали кипятить воду для чая.

«Этот привилегированный класс действительно прогнил», — вздохнула Минлань и быстро села.

— ...молодая госпожа из императорской семьи, а другая скромной, кто знал, что их ситуацию будут противоположны, — вздохнул Гу Тинье.

— Разве ты не презираешь такую женщину, как императрица Цзинь Ань? — тихо спросила Минань.

— Нет, — покачал головой Гу Тинье, — Хотя императрица Цзинь Ань была немного вспыльчива, она все же хороший человек. Многие откровенные чиновники спасли свои жизни благодаря ее убеждениям. Протест, это непросто.

— Тогда разве ты не смотришь свысока на такую женщину, как госпожа Люли? — снова спросила Минлань.

— Так было немного раньше. Я чувствую, что она скучала по этому ученому, — медленно сказал Гу Тинье. — Но после того, как я сам настрадался, я буду знать, что всегда могу быть гордым и честным, не жалуясь на других, и быть собой, надёжным и

самосовершенствующимся. Такие, как я, редки.

Минлань подняла голову, тупо глядя на павильон неподалеку.

По внешнему виду павильон Ван-ван и мавзоль императрицы Цзинь Ань были так же несопоставимы, как бедные и богатые, но так же, как и концовки двух женщин, эти здания перекликались. Счастьем, обычным и незаметным, и великолепной трагедией. Блестящие женщины.

Минлань покачала головой, она совсем не хотела быть блестящей.

—...Император намеревается попросить меня отправиться в городок Шу. Несколько дней назад я взял на себя инициативу просить императора о приказе, по крайней мере, на два года, — Гу Тинье произнес это предложение неторопливо, как удар молнии.

Минлань чуть не вскочила.

— Что? Ты едешь в Сычуань? А я? А где будет Туань? Где Юань?

Гу Тинье держал большой веер из рогоза и медленно тряс его перед ней, забавляясь.

— Только проявив инициативу, чтобы запросить заказ, мы можем получить хорошее назначение. Я сказал императору, не имеет значения, какая награда мне полагается, я просто хочу взять с собой жену.

Минлань, наконец, отпустила свое сердце и с тревогой спросила:

— Может ли император согласиться?

Гу Тинье серьезно сказал:

— Как я уже сказал, моей жене не хватает дерева в пяти элементах, а огонь побеждает дерево. Вот почему ты и Жун сталкивались с трудностями одна за другой. Всегда побеждает огонь, поэтому моя жена должна быть со мной.

Минлань закатила глаза и сказала:

— Удивительно, что император поверил в твою чепуху! Я боюсь, что когда придет время, император даст мне большой резервуар с водой и скажет, чтобы я постоянно в нем купалась, чтобы облегчить твои опасения по поводу нехватки воды.

Гу Тинье громко рассмеялся, ущипнула ее за руку и серьезно сказал:

— Я умолял императора о хорошей жизни, умолял государя быть милостивым и жалостливым. Если моя семья будет со мной, министр обязательно будет верно служить стране и посвятит себя этому.

— Значит, император согласился? — глаза Минлань загорелись.

— Императрица помогла нам, — Гу Тинье слегка улыбнулся. — Император сказал, что, хотя генералы не всегда оставались в столицы, их жена и дети всегда оставались здесь. Конечно, не без исключений. Она сказала, что пока между императором и министром есть доверие, не важно, где находится семья генерала. Если тот, кто охраняет границы, захочет восстать, он сделает это в любом случае.

— Её величество мудра! — впервые с тех пор, как Минлань пришла в древние времена, она крикнула «Да здравствует» от всего сердца. — Это правда, те, кто действительно хочет восстать, часто готовы оставить членов своей семьи позади! Но как ты можешь быть таким прямолинейным!

Гу Тинье посмотрел на нее с улыбкой.

— Ты не боишься, что центральная часть Сычуань не так процветающая как столица, а юго-запад жаркий и влажный?

— Я не боюсь, я не боюсь, — Минлань перетащила табуретку и села рядом с ним, взяла его за руку и несколько раз покачала головой. — Пока семья вместе, я ничего не боюсь.

Гу Тинье обнял ее и сказал тихим голосом:

— Я тоже так думаю. Любое продвижение по служебной лестнице вторично. Долгая жизнь семьи — вот что важно. Сколько человек может прожить за всю жизнь? Пока ты рядом, пока ты молода, мы сможем жить вечно.

Сердце Минлань было переполнено счастьем.

Подобно солнцу, пробившемуся сквозь густые темные тучи, он словно прорвался сквозь ветер и дождь, чтобы добраться до другого берега. Казалось, что все колебания в прошлом стали поводом для удвоенной радости.

Гу Тинье крепко сжал ее руки.

— В столице Сычуань не так много вонючих правил. Когда придет время, я научу тебя ездить

на лошади, а ты научишь меня запускать воздушного змея. Мы больше не будем разлучаться всю оставшуюся жизнь.

Минлань рассмеялась и пролила слезы, они были обжигающие, как жар в ее сердце.

...Они вместе направятся в Страну Изобилия. Есть Дуцзяньянь, где жили Ли Бин и его сын, красивые и сердечные девочки и мальчики, там плодородная земля и парча, прекрасная как цветы.

У них было полно надежд на будущее.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876501>